

Мищенко М. Н.

Mishchenko M. N.

ВОСПОМИНАНИЯ И ФАНТАЗИИ КАК ГЕРМЕНЕВТИКО-ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статті досліджуються такі функції психічного апарату, як витиснення спогадів турбуючих подій та утворення фантазійних об'єктів. Здійснюється аналіз інтерпретаційної психотерапевтичної практики по відношенню до вище названих явищ, результатом якого є відновлення смислотворчої здатності психіки. Автор стверджує можливість подання психоаналітичної практики, яка має інтерпретативний характер, як особливого роду герменевтичної практики.

В статье исследуются такие функции психики как вытеснение воспоминаний тревожащих событий и образование фантазийных объектов. Осуществляется анализ интерпретационной психотерапевтической практики в отношении вышеназванных явлений, результатом которой является восстановление смыслообразующей способности психики. Автор утверждает возможность представления психоаналитической практики, обладающей интерпретативным характером, как особого рода герменевтической практики.

In the article such functions of psyche as exclusion of the memories, unsettling events and formation of the fantasy objects are investigated. The analysis of the practice of interpretation connected with this kind of phenomena is carried out. As the result of this practice we have a reconstruction of the sense-making psychic ability. The author states a possibility of the representation of psychoanalytic practice which is interpretative as a special type of hermeneutics.

- На днях, - продолжал Джулиус, - когда я думал, как лучше тебе об этом сказать, мне пришло в голову такое сравнение: представь себе город, рядом течет река. Чтобы спастись от наводнений, жители выстроили высокую стену. Прошли века, река давно высохла, но жители по-прежнему сохраняют свою стену и как ни в чем не бывало продолжают ее укреплять...

*Ирвин Ялом
«Шопенгауэр как лекарство»*

Вы ничему не можете научить человека.

Вы можете только помочь ему открыть это в себе.

Г. Галилей

Франсис Паш в работе «Щит Персея, или Психоз и реальность» [5] предлагает оригинальные образы сознательной, бессознательной сфер и воспоминаний в психике человека, опираясь на миф о Персее и Медузе. Персей, по преданию, побеждает Медузу, чей взгляд обладал смертоносной силой, с помощью щита с зеркальной поверхностью, в котором видел отображение Медузы. Смертоносный взгляд терял свое воздействие в зеркальном отображении, так как плоскость зеркала образовывала параллельный мир, опосредующее пространство, которое обезвреживало прямой взгляд. На Медузу можно было смотреть только посредством ее отображения. Медуза представляет собой нечто внешнее по отношению к плоскости зеркала. Франсис Паш обозначает плоскость зеркала как инстанцию Я, сознание. Реальный мир с его фактичностью, событийностью находится вне зеркала. В глубине зеркала, в этом «потустороннем» пространстве находится мир бессознательного, в котором отражаются и запечатлеваются факты внешней реальности, а также живут фантазии и воспоминания – преломляясь на поверхности зеркала, приобретая зачастую новый смысл и очертания, и смешиваясь между собой.

Несмотря на столетнюю историю, для современной философии и науки все еще остается неясным местоположение психоаналитического предмета в классификации наук. Предмет психоанализа сохраняет свою актуальность посредством интригующей научное мышление неопределенности, провоцируя различные трактовки психоаналитической теории и её многочисленную критику.

Интерес автора к заявленной теме обуславливается возможностью представления психоаналитической практики, обладающей интерпретативным характером, как особого рода герменевтической практики. *Целью* данного исследования является анализ работы психоаналитической техники в отношении толкования человеческих воспоминаний и фантазий. *Задачами* нашей работы обозначим, во-первых, изучение работы психики по сокрытию, вытеснению травмирующих воспоминаний, во-вторых, изучение работы

психики по образованию фантазий, и, в-третьих, исследование интерпретационной техники психоанализа при работе с воспоминаниями и фантазиями и соотнесение ее с некоторыми аспектами философской герменевтики. Предлагаемая работа восходит к более обширному проекту, осуществляемому автором – речь идет об обосновании правомерности существования психоаналитической герменевтики в теоретико-понятийном аспекте.

Для достижения данной цели и выполнения поставленных задач следует обратиться как к работам самого Фрейда, так и к его последователям, представителям современного психоанализа: Мелани Кляйн, Улфреду Биону, Ханне Сегал, Пауле Хайманн, Рональду Бриттону и др. Основными справочными изданиями для уточнения профессиональных терминов и понятий являются «Словарь кляйнианского психоанализа» Роберта Хиншелвуда и «Психоаналитические термины и понятия» Э.Мура и Б.Д. Файна. *Степень разработанности* вопросов о защитных механизмах психики и о травмирующих воспоминаниях в литературе достаточно высока, данные вопросы относятся к метапсихологии Фрейда и детально им описывались. Иначе обстоит дело с герменевтической трактовкой психоанализа. В своих исследованиях А. Лоренцер, П. Рикер, Риккардо Стайнер, Доннел Б. Стерн поддерживают герменевтическое прочтение психоанализа. Но данное предприятие остается для нас актуальным и плодотворным, учитывая ряд вопросов, имеющих спорный характер и модифицированных в концепциях современного психоанализа. Уникальны факты в психоанализе, не менее уникальна связь между пациентом и аналитиком и специальные процедуры, составляющие арсенал психоаналитического метода, обладающего характерными чертами и *естественнонаучной, и гуманитарной* методологии. Рассмотрение психоаналитической практики в герменевтической плоскости дополняет представление психоанализа как процедуры исследования, метода лечения и процесса изучения представлением психоанализа как

герменевтической, интерпретационной, нацеленной на понимание и толкование смыслов дисциплины.

Обращение в самом начале нашей работы к образу щита Персея как психики, а глубины зеркала как бессознательной сферы, населенной фантазиями и воспоминаниями не случайно. Внутриличностные конфликты и различные патологические образования в психике человека основаны, прежде всего, на механизмах *памяти* и *вытеснения*. Аналитик во время анализа неизменно сталкивается со следами вытеснений тревожащих воспоминаний, с ситуациями «дежа-вю», с покрывающими воспоминаниями. Э. Мур и Б.Д. Файн определяют память как «функцию психического аппарата, посредством которой хранятся и воспроизводятся воспринятые или приобретенные в процессе научения впечатления» [6, с. 131]. Память и ее нарушения занимают центральное место в психоанализе, начиная с первых исследований касавших истерию. Уже тогда Фрейдом было замечено, что вновь открытые и «расшифрованные» во время анализа воспоминания провоцируют эмоциональный отклик, исчезновение симптомов. «Восстановление вытесненных воспоминаний ослабляет конфликт и помогает человеку создать более целостный образ себя» [6, с. 132].

Понимание в психоанализе можно обозначить как *разоблачение сокрытого*. Понять – это не только охватить сказанное, но и то, что осталось недоговоренным, скрытым, подлежащим пояснению и толкованию. Фрейд описывал ситуации в лечении, когда воспоминания о травмирующих событиях жизни подвергались вытеснению. В результате память блокировалась, страдания от воспоминаний вели к их устранению из сознания, и как следствие, появлению симптомов, психических нарушений. *Забывание* выступает как защитный процесс, направленный на то, чтобы посредством вытеснения из памяти воспоминаний совладать с эмоционально-травматическими переживаниями. *Помнить* в данном случае – значит не только воссоздавать в памяти ту или иную ситуацию, а и быть способным ее проанализировать, ввести знание о ней в работу психики. Отдельное воспоминание как фрагмент

целостной мозаики психики человека имеет первостепенное значение и подлежит пристальному изучению. Забытый, вытесненный, он может хранить в себе важные объяснения происходящих конфликтов и неврозов. Работа психоанализа дает логически связанное построение истории субъекта. Вытесненные моменты, забытые ситуации, пробелы в автобиографии обретают новый смысл, будучи помещенными в новый контекст – контекст аналитической ситуации. Прошедшие события в новом опыте – опыте проработки, понимания – имеют иную форму, помещенные в *ситуацию «теперь»* они получают новое толкование и теряют травматический эффект. К прошлому пациента как целостной сущности, линейно и исторически постоянной, психоанализ относится осторожно. С утверждением о невозможности представить прошлое пациента как замороженную абстракцию или как «незасоренную контекстом» историю современный психоанализ переходит от «археологических раскопок» прошлого пациента, конфликтов и пробелов в психике пациента к психоанализу «здесь и сейчас» и первостепенности тех процессов, которые проходят в анализе. Прошлое важно, но более важно его проявление в настоящем, когда формируются особые паттерны переноса и контрпереноса, проекции и идентификации. Установка «откажитесь от памяти, откажитесь от будущего времени в своих желаниях, забудьте о том и о другом, забудьте и о том, что вы знаете, и о том, чего вы хотите, для того, чтобы дать место новым идеям» Уилфреда Биона [цит. по 7, с.54] знаменует новый виток в развитии психоанализа и психоаналитической техники. Открывается путь для новых психоаналитических моделей, отличных от классического фрейдовского психоанализа. Ситуация «здесь и теперь», анализ актуальных для психоаналитического сеанса отношений двух бессознательных, акцент на объектных отношениях пациента – это новая эра в психоаналитическом учении, эра, которая удачно была обозначена как «*эра контрпереноса*» [см.: 10]. Это обозначение современного психоанализа, новые концепции, основанные на понимании и толковании, позволяют вслед за А. Лоренцером, П. Рикером толковать психоаналитическую практику с ее

интерпретационной техникой в духе современной философской герменевтики в лице Г.-Г. Гадамера, который понимание и возможность толкования соотносит с ситуацией диалога. Пусть психоаналитические отношения не столь симметричны, как того требует философия диалога, но нет оснований отказываться в диалогичности работе бессознательных импульсов аналитика и пациента, которые наполняют психоаналитическое пространство.

С воспоминаниями в психоанализе работают *интерпретация* и *конструкция*. Для психоанализа память нечто большее, чем просто воспроизведение реальных событий. Как мы уже выяснили, воспоминанию должна сопутствовать проработка, толкование, осознание прошлого и включение этой «новой» старой информации в сознание, критическое к ней отношение. Интерпретация прошлых воспоминаний не просто выполняет реконструкцию событий (чем и отличается от конструкции), но и влияет на инстанцию Я, придавая элементам прошлого новый смысл. Прошлое, всегда будучи с пациентом, будучи личной историей человека, становится *новым*. Под действием интерпретации толкование прошлых событий получают все *новые и новые смыслы*, которые интегрируются в настоящее пациента. «Лицом к лицу лица не увидать» в психоанализе означает дистанцирование от прошлого, расположение всех фактов перед собой. Пациент разбирает и толкует события прошлого, присоединяя этот опыт к своему Я. Новая история помещает Я в новый контекст, а значит, влечет и изменения Я. Интерпретация выступает связывающим звеном между прошлым и настоящим, а приписывание значения ускользающим фактам фиксирует их, располагает к последующей интерпретации.

Фрейд четко различал конструкцию и интерпретацию. *Интерпретация* касается определенного момента истории пациента, момента, который модифицировался под действием механизмов защиты. *Толкование и проработка* такого момента позволяют пациенту приблизиться к пониманию своего поведения и неосознанных импульсов. Конструкция же может касаться целого фрагмента истории пациента и предлагается аналитиком, чтоб

восполнить пробелы прошлого. Иными словами, *конструкция* – это искусственное реконструирование события. Для того чтобы ее построить, точно так же, как дать интерпретацию, необходима опора на то, что уже известно. Парадокс *герменевтического круга* заключается в том, что мы можем понимать только ту информацию, которую можем расположить в надлежащем контексте. А выбрать надлежащий контекст не можем, если изначально не охватим то, что пытаемся понять. Мы понимаем посредством постоянного проектирования полностью понятого на информацию, которая понята частично, или непонята. Мы предугадываем смысл, опираясь на уже известные факты, добиваемся полного понимания через то частичное понимание, которое уже есть. Понять – значит подтвердить первоначальную гипотезу. А предположения, в свою очередь, возникают на базе того, с чем нам уже приходилось сталкиваться. Изначально мы стоим перед нелегкой задачей – видеть нечто большее, чем ожидаем увидеть – захватить пространство, смысловое поле которого еще больше, чем искомый смысл.

Такие явления как герменевтический круг, построение пробных гипотез, предпонимание, поиск смыслов наблюдаются и в психоанализе. О работе герменевтического круга уже говорилось в нашей статье, посвященной толкованию и конструированию смыслов [3]. В данной работе мы рассмотрим еще некоторые аспекты, который приблизят нас к легитимации и дефиниции понятия «*психоаналитическая герменевтика*» - понятию, которое по нашему мнению, подтвердит и суммирует герменевтические аспекты психоаналитической техники и позволит провести различительную грань между философской герменевтикой, филологической, исторической, психологической интерпретацией В. Дильтея и собственно психоаналитической герменевтикой.

Далее следует остановиться на одном феномене психоанализа, описанном Сезаром и Сарой Ботелла [1], который иллюстрирует существование психических сил и их динамику в пространстве психического - феномене «*дежа-вю*» [см.: 1, 6]. Зигмунд Фрейд в «Расстройстве памяти на Акрополе»

(1936) описывает его так: «...чтобы избежать ощущения странности, возникает тенденция рассматривать парное функционирование в русле уже известных феноменов, помещать тревожный продукт в хорошо успокаивающие формы, превращая чуждое в знакомое, превращая тревожную странность в ее «позитивное сопровождение», в «дежа-вю»» [цит. по 1; с. 115]. Иными словами, интерпретация аналитика может быть в полной мере не осознана пациентом, но близка ему как напоминание о том, что могло бы быть. Более того, пациент может соотнести свою историю, в которой есть некие пробелы для самого пациента, с историей, которую предположительно видит аналитик. Ситуация «дежа-вю» обозначает впечатление, будто нечто уже пройдено, прожито. В философской герменевтике *предпонимание* как условие *нормальной работы* герменевтического круга может создать условия для совпадения, схожести. Но далее круговые движения должны разоблачать ложность ситуации совпадения и приводить к правильному пониманию. В психоанализе, - окажется ли в дальнейшем предполагаемая версия события верной, или же «дежа-вю» будет ложным, - этот механизм выполнит свое главное предназначение: ввести психоаналитика в круг разнообразных смыслов на пути разъяснения и понимания тайников души. Это важное сходство между психоаналитическим процессом и герменевтикой. Психоаналитическая практика - это техника ведения анализа, которая неразрывно связана с метапсихологией и культурой. Феномен «дежа-вю» связан с существованием «коллективного бессознательного», типичности и схожести человеческих ситуаций, которые находят свои истоки и отображаются в культурной среде. Психоанализ можно рассмотреть не только как психоаналитическую герменевтику психической жизни индивида, но и осуществить выход за пределы клинической практики в более широкую область – от *герменевтики индивида* к *герменевтике культуры*, используя герменевтический круг и располагая в непосредственной зависимости друг от друга психику и внутренний мир человека с одной стороны, и культурное окружение с другой. Круг, расширяясь, охватывая круговыми движениями все больше смыслов, захватывает личность человека,

его биографию, затем его ближайшее окружение, семью, затем общество. В итоге индивид рассматривается уже включенным в культурное пространство и соотношенным с ним. Поэтому важно наличие «традиции», которая сделает возможным понимание. Ориентируясь на эту традицию, аналитик, привлекая гипотезы и строя интерпретации, будет опираться на аналогичные случаи с другими пациентами. Эта традиция позволит слиться двум «горизонтам», следуя терминологии Г.-Г. Гадамера, в процессе психоанализа.

Таким образом, психоанализ работает над воспоминаниями, суггестиями прошлого, продуктами совместной работы пациента и аналитика во время их встреч. Не менее важно исследование *фантазий и вымышленных представлений* пациента, хранящихся в его психике. Социализация человека состоит в постепенном отказе от попыток непосредственного удовлетворения своих стремлений, в ограничении их. Человек все больше отказывается от своих естественных желаний, и все же возвращается к ним обходными путями, трансформируя свои стремления в соответствии с культурными нормами.

С введением принципа реальности в деятельность человека остается и обособляется иной вид деятельности, свободный от критерия реальности и подчиненный исключительно принципу удовольствия. Это *фантазирование*, позволяющее реализовать человеку природные, инстинктивные желания, на которые культура накладывает вето, путем придания желаниям таких форм, которые не конфликтуют с реальностью. Для галлюцинаций, фантазий или представлений человек нуждается в некоторых образцах – ему все же необходима связь с реальностью. Поэтому при исследовании внутреннего мира человека возникают сложности при различении фантазии и реальных фактов прошлого. Осознаваемая часть фантазий дает ряд сознательных образов, которые мы именуем *мечтами*. Бессознательные же фантазии могут быть ответственными за содержательную сторону многих психологических симптомов, черт характера. Обозначим их вслед за Мелани Кляйн и Сюзен Айзекс как *phantasy*, в отличие от *fantasy* - сознательных фантазий или грез. Бессознательная фантазия начинает функционировать в психике, замещая

некоторое событие, наряду с реальными воспоминаниями. Стирание реальности и замещение вымыслом превращают фантазию в некий фантом того, что было, и что теперь неузнаваемо, скрыто, наделено новыми качествами. Невыносимость переживания прошлого, потеря связи с реальностью вызывают к жизни фантазию. Работа Фрейда ««Ребенка бьют»: к вопросу о происхождении сексуальных извращений» показывает механизмы образования такой фантазии, которая находит свои истоки в формировании Эдипова комплекса [9]. Вытесненные желания, чувства соединяются с реальной или воображаемой угрозой наказания. «При некоторых расстройствах памяти смешиваются реальные факты и фантазии» [6, с. 29], появляется трудность в их размежевании. При этом изначальная фантазия ранних лет может полностью заместить реальность. Фантазия начинает функционировать и восприниматься пациентом так, как будто это факт реальности.

Итак, в процессе психоанализа толкуются и образуются новые смыслы, каждый понятый момент соотносится, граничит с бесконечностью непонятого. Психоаналитик интерпретирует процессы, происходящие в психике пациента. Каким образом интерпретация аналитика подтверждается пациентом, какие условия должны быть соблюдены при этом? Каковы критерии истинности той или иной интерпретации? Ведь «оба термина (конструкция и реконструкция – М.М.) отражают *попытки* (выд. М.М.) раскрытия и выявления ранних переживаний с целью более глубокого понимания генетических факторов ...» [6, с. 183]. Фрейд подчеркивал, что правдивость и истинность реконструированных построений связаны с влиянием терапевтического эффекта. «При этом, однако, нельзя упускать из виду, что формулировки психоаналитика представляют собой сложные *гипотетические* (выд. М.М.) построения, лишь *отчасти* (выд. М.М.) восстанавливающие прежние события из жизни анализируемого» [там же]. Конструкция обращена к Я пациента, сознательной деятельности, главная ее цель – заполнение пробелов в истории пациента. Влияние интерпретации иное, оно основано на решающем ударе, который приведет к инсайту и к последующей плодотворной проработке.

Психоаналитические интерпретации, являясь, по сути, пробными гипотезами относительно процессов, происходящих в психике, имеют главную цель – влияние на бессознательное. Будучи гипотезой, возможно находясь далеко от реально происшедшего с пациентом, они могут придать уверенность, расширить понимание. Это не означает, что интерпретация и истина несовместимы. Важнее не та истина, которая исторически верна, а та, которая удовлетворяет пациента. *Психоаналитический миф*, которому позволяют развиваться во время анализа, оказывает терапевтическое действие, и тогда его ценность неоспорима. Интерпретационные и конструктивные образования, даже не проникнув глубоко к исторической истине, могут стать истиной для пациента, создать благоприятные отношения с реальностью, помочь расколотому сознанию соединиться и адаптироваться. Психика получает новые ресурсы и новые смыслы.

Таким образом, сделаем следующие *выводы*. Психоаналитические интерпретации, являясь пробными гипотезами относительно процессов, происходящих в психике, не теряют своего главного преимущества – терапевтического влияния. Вместо исторической истины, или правды, которая связана с линейным ходом событий биографии пациента, на передний план выступает истина повествования. Пусть интерпретация не столь точна и не совпадает с реально происшедшими событиями, ее главное значение в том, что у пациента появляется понимание происходящего с ним, он приобретает чувство уверенности, выдерживает «испытание реальностью». Поиск утерянного смысла дополняется образованием новых смыслов [3]. Рассмотрение психоанализа с естественнонаучных позиций, с позиции научной психологии акцентирует внимание на фактах, точных данных, конкретности. А представление психоанализа как особой герменевтики открывает пространство творческих интерпретаций, сотворчества аналитика и пациента, направленное на раскрытие смыслов, их «наращивание», накопление и изменения отношений с реальностью. Классический, а особенно богатый идеями современный психоанализ, ждет своего герменевтического осмысления, которое должно

уточнить значение психоанализа, по-новому определить его отношения с философией, антропологией, культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ботелла Сезар и Сара. Бессознательная сексуальность и динамика двойника в сеансе // Французская психоаналитическая школа. – СПб.: Питер, 2005. – С. 99-117.
2. Донне Жан-Люк. Хорошо темперированная кушетка. Цель интерпретации // Французская психоаналитическая школа. – СПб.: Питер, 2005. – С. 117-127.
3. Мищенко М.Н. Психоаналитическая интерпретация: толкование и образование смыслов // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Філософські перипетії. Серія «Філософія». – 2006. - №734. – С. 191-194.
4. Михайлов А.А. Современная философская герменевтика: Критический анализ. – Мн.: Изд-во «Университетское», 1984. – 191 с.
5. Паш Франсис. Щит Персея, или Психоз и реальность // Французская психоаналитическая школа. – СПб.: Питер, 2005. – С. 274-285.
6. Психоаналитические термины и понятия: словарь. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 304 с.
7. Романов И.Ю. Мышление, опыт и коммуникация в работах Уилфреда Биона // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Філософські перипетії. Серія «Філософія». - 2002. - №561. – С. 54-61.
8. Романов И.Ю. Понятие психической реальности в теории и практике психоанализа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.04 – философская антропология и философия культуры. – Х., 1999. – 250 с.
9. Фрейд З. «Ребенка бьют»: к вопросу о происхождении сексуальных извращений // Венера в мехах: Л. Фон Захер-Мазох. Венера в мехах; Ж.Делез. Представление Захер-Мазоха; З. Фрейд. Работы о мазохизме. – М., 1992.
10. Эра контрпереноса: Антология психоаналитических исследований (1949-1999). – М.: Академический проект, 2005. – 576 с.
11. Paul Ricoeur. The Question of Proof in Freud's Psychoanalytic Writings. // J. Amer.Psychoanal. Assn. (APA), P. 835-871.